

В.С. СТЕПИН,
ПОЧЕТНЫЙ ПРОФЕССОР БГУ, АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (МОСКВА)

КАРТИНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (Ч. 2. Структура социальной реальности)

С позиции достижений современной науки в исследовании общества рассматривается картина социальной реальности. Показано, что, будучи матрицей синтеза конкретных знаний различных социальных наук, она развивается в качестве компонента в сложной системе социально-научного знания.

The picture of social reality is considered from the viewpoint of the achievements gained by modern science in learning society. Being a matrix of the synthesis of concrete knowledge achieved by various social sciences it is developing as a component in a compound system of socio-scientific knowledge.

Построение картины социальной реальности можно начать с экспликации основных аспектов отношений человека к миру, которые включают: а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, где непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям и социальным коллективам; в) отношение к духовной жизни, аккумулирующей как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений.

Представление об обществе предполагает характеристику этих трех основных сфер человеческого мира. Каждая из них предстает в качестве особой подсистемы в целостной развивающейся системе общественной жизни людей. Между ними имеется сильная когерентность и каждая из них развивается во взаимодействии с другими.

Отношение человека к природе. Неорганическое тело цивилизации

Человек является продуктом космической эволюции, он включен в природу в качестве особого компонента, и его жизнедеятельность предполагает непрерывающееся взаимодействие с окружающей природной средой. Но, в отличие от животных, которые адаптируются к природной среде, потребляя ее в предметных формах, созданных самой природой в ходе естественной эволюции, человек целенаправленно изменяет природу, формируя необходимые для себя объекты и процессы, чаще всего не возникающие в естественной эволюции природы и даже маловероятные для этой линии эволюции (хотя и не противоречащие законам природы). Он создает искусственную предметную среду (вторую природу), которая служит непосредственной средой его обитания.

Основой взаимодействия человека с природой является практическая деятельность, в процессе которой он присваивает вещество и энергию природы, преобразуя их в формы, пригодные для своего потребления.

Чтобы целенаправленно изменять исходный материал природы, человеку необходимы особые средства, которые служат проводниками его воздействия на преобразуемый предмет и представляют собой усилители его естественных органов. Орудия и средства, применяемые в производственной деятельности (станки, машины, энергетические установки, компьютерные системы и т. п.), многообразные предметы бытовой техники от простейших (стол, стул, нож, ложка, вилка, посуда) до более сложных, возникших на со-

временном уровне развития цивилизации (телевизор, холодильник, персональный компьютер), гидростанции, заводы, дома и города, дороги и транспортные средства – все это многообразие созданного человеком предметного мира (второй природы) функционально служит своеобразным продолжением и дополнением человеческого тела. Только благодаря постоянному взаимодействию с этим миром, его воспроизводству и развитию возможна человеческая жизнь. К. Маркс образно характеризовал этот мир освоенных человеком природных объектов как «неорганическое тело человека». Такая характеристика является не просто метафорой. Она выражает понимание человека как существа, бытие которого определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганического тела».

Понимание человеческой телесности как двухкомпонентной системы позволяет в новом свете рассмотреть и само развитие человека. Именно такое рассмотрение было предложено К. Марксом. Как известно, эволюция живых организмов связана с изменением их телесной организации, формированием новых органов и их новых функций, позволяющих адаптироваться к новым условиям природной среды. Человек, как и все живые организмы, в процессе приспособления к природе изменяет свою телесную организацию. Но его тело состоит из двух компонентов. Лишь на ранних стадиях становления человека в процессе антропогенеза происходило совместное, взаимосвязанное развитие биологической организации его тела и орудий труда как искусственных органов. Но затем, в отличие от эволюции животных, которые приспосабливаются к изменяющейся внешней среде путем изменения своей биологической организации, человек (после того как он сформировался в процессе антропогенеза как *homo sapiens*) включается в природную среду и расширяет спектр условий своего природного бытия за счет изменения и усложнения своего неорганического тела (его же биологическая организация при этом практически не меняется). Тем самым биоэволюция человеческого рода переходит в особый тип эволюции – историю человечества.

Сформированные в процессе антропогенеза естественные органы человека (рука, мозг, органы чувств и т. д.) приспособлены для постоянного и универсального контакта с предметами второй природы. Только контактируя с этими предметами, индивид может включиться в трудовую и иные формы деятельности и стать частью общества. Эти контакты являются одним из условий социализации индивида.

«Неорганическое тело человека», развивающееся в процессе человеческой истории, передается от поколения к поколению, наследуется социально. Переход от первобытного состояния к цивилизации характеризуется качественными усложнениями этого «тела». Оно все более выступает как продукт общественного разделения труда, и каждый индивид застает

* Рассмотрение человека как существа, создающего предметы и предметные комплексы, дополняющие и усиливающие его естественные органы, было достаточно распространено среди мыслителей конца XVIII – середины XIX в. Б. Франклин определял человека как животное, делающее орудия. Немецкий ученый и философ Э. Капп (современник Маркса, начавший, как и он, свое творчество как левый гегельянец) развивает идею об орудиях и средствах деятельности как особых человеческих органах, продолжающих и усиливающих его тело. И хотя эта идея в общем виде высказывалась еще в античной философии (Аристотель), ее систематическая разработка приводит к новой концепции отношений человека к непосредственно окружающей его предметной среде. Э. Капп трактует ее как экстернализацию человеческого тела, воплощение органов человека и их функций. Железные дороги он рассматривает как воплощение кровообращения, телеграф – как продолжение нервной системы и т. д. Капп переносит далее образы производственной техники и технологии буквально на все сферы человеческой жизнедеятельности, трактуя этику, право, государство и т. п. как особые технологии. Но у Маркса эти идеи обрели новую форму. Человеческая телесность была рассмотрена как целостная двухкомпонентная система естественного и искусственного, подверженная исторической эволюции.

его как исторически сложившееся «неорганическое тело цивилизации». И тогда, чтобы понять, как происходит развитие человека, необходимо выяснить, как развивается его неорганическое тело, как оно изменяется, воспроизводится и усложняется в процессе производства материальных благ.

Ассимиляция объектов природы в этом процессе осуществляется путем вычленения из природного целого некоторых его фрагментов с последующим их синтезом в необходимый человеку предмет искусственной материальной среды. Создаваемый таким путем предмет предстает как некоторая организация элементов, т. е. как системно организованный объект. В процессе исторического развития производства происходит усложнение системной организации объектов, создаваемых в качестве продуктов деятельности, что приводит к соответствующему усложнению неорганического тела цивилизации. В первую очередь это проявляется в изменении системной сложности технических устройств, поскольку среди продуктов производства важнейшее место занимают предметные комплексы, которые затем применяются в качестве искусственных органов человеческой деятельности. Изменение системной сложности техники составляет основу для последующего расширения канала потребления природы обществом, для перехода к созданию в производстве объектов новой, более сложной системной организации.

Таким образом, на различных этапах своего исторического развития общество осваивает фрагменты природы различной системной сложности.

Античные цивилизации создавали и воспроизводили объекты, в основном устроенные по принципу составного предмета (корабль, повозка, строительная постройка, блок и рычаг с грузом и т. д.), где части (простые предметы) объединяются между собой путем непосредственного «геометрического» контакта, прилегания одной части к другой¹.

В эпоху Возрождения в производстве наряду с составными предметами создаются объекты, представляющие собой малые системы, которые после первой промышленной революции начинают доминировать в технике. Эти системы характеризуются относительно небольшим числом элементов (порядка 10^1 – 10^3) и связями, основанными на силовых воздействиях. Изменение состояния какого-либо элемента детерминирует строго определенным образом состояние других элементов (малые системы характеризуются жесткой детерминацией, взаимодействие их элементов описывается лапласовской причинностью). Примерами таких объектов в технике являются паровые машины, станки эпохи первой промышленной революции, а также технические устройства конца XIX – начала XX в. (например, двигатель внутреннего сгорания, электромотор и т. д.).

Начиная со второй половины XX в. в технике осваиваются объекты, системная сложность которых выше, чем у малых систем. Это сложные динамические системы с числом элементов порядка 10^3 – 10^6 и массовыми стохастическими взаимодействиями между элементами, которые вызывают случайные колебания в поведении систем и требуют их саморегуляции. Примерами таких объектов являются заводы-автоматы, системы управления ракетами и космическими кораблями, атомные электростанции, автоматические системы обработки больших массивов деловой и научной информации и т. д.²

Переход к массовому освоению в производстве объектов каждого нового уровня системной организации соответствует технической революции и выступает ее главным показателем³. В периоды таких революций происходит перестройка системной сложности техники и в конечном итоге – изменение сложности всего неорганического тела цивилизации.

Каждая ступень этого изменения означает появление новых средств производства, которые, в свою очередь, предполагают развитие самого человека как субъекта производственной деятельности. В двухкомпонентной системе человеческого тела, ассимилирующего природные процессы, всегда сохраняется системная целостность, а поэтому изменение «неоргани-

ческой компоненты» приводит к изменению функций самих индивидов, жилой труд которых приводит в движение средства производства. Так, на стадии техники составного предмета человек должен осуществлять не только контрольно-информационные функции, но и функции двигательной установки, мускульные усилия которой обеспечивают воздействие орудия на обрабатываемый материал. Становление техники простых систем связано с передачей двигательных функций от человека машине. Но при этом значительно усложняются контрольно-информационные функции, которые сохраняются за человеком и превращают его в своего рода «следящую систему», управляющую работой машины. Техника сложных систем означает автоматизацию производства и передачу от человека к автомату контрольно-следящих функций. Вместе с тем на этой стадии от индивидов, функционирующих в системе «человек – автомат», требуются овладение всё возрастающим объемом научно-технических знаний и умение применять их в процессе управления техникой.

Это развитие искусственных органов человеческой деятельности и изменение функций самого человека в процессе производства шаг за шагом расширяют спектр регулируемых и контролируемых им природных процессов.

С биологической точки зрения современный человек мало чем отличается от человека эпохи неолита. Но если учесть организацию его неорганического тела, то он – принципиально иной социально-исторический вид, приобретающий благодаря развитию искусственно создаваемой им предметной среды новые условия своего природного существования, иную, несравненно более широкую, чем у древнего человека, экологическую нишу.

Итак, первым важнейшим аспектом социального бытия человека и его отношения к природе выступает воспроизводство и развитие «неорганического тела цивилизации». Оно предполагает особую форму «обмена веществ» между обществом и природой – процесс производства материальных благ. Этот процесс является ядром экономической жизни общества.

Человек в системе социальных связей

Уже самый простой акт практической деятельности человека предполагает сложную систему его социальных связей и отношений. И в практической деятельности, и в повседневном поведении человек постоянно контактирует с различными фрагментами «неорганического тела цивилизации», используя те или иные орудия труда, предметы быта, одежду, жилище и т. д. Присваивая для своего потребления эти предметы, индивид неявно соотносится с другими людьми, включаясь в систему отношений собственности, распределения и общественного разделения труда.

Иначе говоря, отношение человека к объекту в процессе деятельности всегда предполагает его отношение к другому человеку. Оно может быть не только опосредованным, но и непосредственным, поскольку подавляющее большинство действий имеет коллективный характер.

В своей деятельности и поведении мы постоянно взаимодействуем с другими людьми, выполняя те или иные функции в коллективах, вступая в общение, реагируя на действия и поступки других людей. Каждый из нас находится в сложной системе человеческих связей. Их наличие составляет второй компонент человеческой жизнедеятельности, определяющий наши действия и отношения к внешнему миру.

Сложная мозаика социальных связей определенным образом структурирована. В ней принято выделять малые и большие социальные группы. Наиболее простым и массовым ее элементом являются отношения людей в малых социальных группах. Малая социальная группа как особая целостность образуется благодаря совместным действиям и поведенческим актам различных людей. Она предполагает непосредственные коммуникативные связи между индивидами. На протяжении своей жизни человек включается в обширное множество таких групп: семья, школьный класс, производственные

коллективы, различные неформальные группы и т. д. Все они образуют реальную сеть человеческих связей, в которую погружен тот или иной индивид.

Социальные связи и коммуникации между индивидами могут быть самыми разнообразными и столь же разнообразными могут быть образующиеся благодаря этим связям малые социальные группы. Прогуливающиеся влюбленные, партнеры, играющие в шахматы, футбольная команда, группа подростков во дворе, толпа на митинге, производственные коллективы и т. п. – все эти социальные группы характеризуются своими нормами поведения и своим набором социальных ролей.

Человек на протяжении буквально одного дня своей жизни может входить в состав различных малых социальных групп, меняя свое место в системе связей с другими людьми. От него к другим как бы тянутся многочисленные нити социальных отношений. Часть из них обрывается через какой-то промежуток времени, некоторые же воспроизводятся на длительных отрезках его жизни.

Малые социальные группы составляют реальную сферу повседневных жизненных коммуникаций. Социальные связи внутри этих групп могут быть формально регламентированы: от жесткой регламентации типа уставных правил армейских подразделений до относительно гибких правил договорного характера в различных объединениях по интересам. Но большинство малых социальных групп регулируются неформальными, неявно принимаемыми нормами. Их усваивают через реальные образцы поведения, общения и деятельности, причем такое усвоение не обязательно должно быть осознанным. Подражая тем или иным образцам, люди включаются в выполнение определенных функциональных ролей в различных группах. Многие из таких ролей усваиваются с детства путем имитации в детских играх действий взрослых. Как подчеркивает американский социолог Т. Шибутани, большинство людей осознают те или иные роли только в необычных обстоятельствах. «Если знакомый намеренно уклонился от приветствия, человек возмущается нанесенным оскорблением. Мать начинает осознавать свои прерогативы, когда ребенок отказывается ей повиноваться и таким образом бросает вызов ее авторитету. Тот факт, что негодование возникает именно при подобных обстоятельствах, означает, что некоторые невыполненные обязательства принимались как нечто само собой разумеющееся»⁴.

Вообще социальные роли в малых группах не следует трактовать как нечто шаблонное, состоящее из стереотипных действий. Даже написанная роль в театральной пьесе требует от актера импровизации и таланта. В жизни же еще сложнее, поскольку детали поведения в каждой ролевой ситуации определяет сам человек. При этом он играет не одну, а множество ролей, выступая и соавтором и актером тех многоликих пьес, которые составляют саму его реальную жизнь.

Сложная мозаика связей внутри социальных групп и между ними исторически изменчива, как исторически изменчивы и социальные роли, которые выражают нормы поведения и относительно устойчивые функциональные отношения между членами различных социальных групп.

Влюбленные являются влюбленными во все века. Но в их общении и поведении легко усмотреть разницу между, например, средневековыми рыцарскими отношениями, описанными Бальзаком любовными отношениями эпохи меркантилизма и деловых связей буржуазного общества XIX в., и, допустим, поведением влюбленных в современных молодежных группах поклонников металлического рока.

В историческом развитии общества постоянно возникают новые типы социальных групп и уходят с исторической сцены те или иные общности ин-

⁴ Отмечу, что идея социальных ролей как регулятивов поведения активно разрабатывалась в концепциях Т. Парсонса и символическом интеракционизме Дж. Мида.

дивидов, характерные для ранее господствовавшего стиля жизни. В эпоху капитализма исчезли, например, социальные группы странствующих рыцарей, средневековые цеха и гильдии и появились новые формы социальных объединений людей – мануфактуры, а затем фабричные производства, страховые, акционерные и спортивные общества, сообщества болельщиков и спортивные команды (профессиональные и любительские) и т. д.

Вся эта сеть жизненных коммуникаций индивидов, образуемая благодаря динамике и взаимодействию малых групп, имеет глубинную внутреннюю структуру. Ее важнейшим аспектом выступают отношения людей друг к другу, складывающиеся в процессе их взаимодействия с фрагментами неорганического тела цивилизации, воспроизводства и развития этого тела во всей его системной сложности.

Отношения между людьми, возникающие в этом процессе, образуют фундаментальную структуру человеческого бытия. Вся эта система отношений к средствам деятельности и ее продуктам, отношений обмена результатами деятельности в рамках сложившихся форм общественного разделения труда определяет глубинную структуру социальных связей людей. Она выступает как макроструктура общества, представленная спецификой классовых, сословных, кастовых отношений и соответствующих им больших социальных групп. В систему социальных связей, выражающих макроструктуру общества, следует также включить национальные и этнические отношения. Соответственно в качестве больших социальных групп выступают также этнические общности и нации.

Макроструктура общества проявляется через его микроструктуру, определяя самые общие принципы отношений людей в малых группах – традиции и типичные для данного общества образцы социальных ролей.

Большие социальные группы не существуют вне и независимо от малых. Оба аспекта структуры социальных связей людей взаимообусловлены, и в качестве независимых друг от друга их можно полагать только в абстракции. В конкретных социологических теориях и моделях такие абстракции допустимы, поскольку каждая из теоретических моделей ориентирована на изучение отдельных аспектов подсистем социального целого. Но при построении системного образа этого целого – картины социальной реальности, в которой соответствующие абстракции обретают онтологический статус, жесткое разделение и противопоставление микро- и макроструктуры непродуктивно.

Организация социальных связей, наиболее динамичная в аспекте микроструктуры (на уровне малых социальных групп) и относительно устойчивая в аспекте макроструктуры (уровень классовых, национальных отношений и т. п.), является продуктом исторического развития общества. Каждый индивид застает ее как объективно сложившуюся на определенном этапе такого развития социальную структуру, включается в нее в процессе социализации и выполняет определенные ролевые функции в различных общностях и социальных группах (в производственном коллективе, семье, в многообразных малых группах, характеризующих повседневный быт человека, и т. д.).

Бытие человека как общественного существа имеет глубокие генетические предпосылки. Предки человека были стадными существами, и их выживание требовало определенных способов совместного поведения. Дете-

* В современной социологии это обстоятельство выражено в своеобразной форме в интегративных тенденциях парадигм социальной реальности, акцентирующих макро- либо микро-уровень ее анализа. Как справедливо отмечают Г.В. Осипов и С.М. Митина, попытка такой интеграции была у Т. Парсонса, но особенно отчетливо она проявилась в теории структуризации Э. Гидденса, в идеях интеграции теории действия и теории систем Ю. Хабермаса, в концепциях Р. Коллинза, М. Хечтера, Дж. Коулмена и др. (см.: История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С. 532–533).

ныш обезьяны не может выжить вне стада. Для новорожденного ребенка его зависимость от других людей еще большая, если учесть, что он рождается абсолютно беспомощным. Вследствие этого генетические программы предрасположенности к общению имеют важнейшее значение для выживаемости. Грудные дети улыбаются в колыбели человеческому лицу, младенцы, лишённые в течение длительного времени физического контакта с другими людьми, погибают. Имеются экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что резкое уменьшение эмоциональных контактов, вызванное отсутствием у человека некоторого необходимого разнообразия общения с другими людьми, может спровоцировать временный психоз или приведет к другим психическим нарушениям. Одиночное заключение, вырывающее человека из системы его общения с другими людьми в различных социальных группах, часто значительно тяжелее физических наказаний⁵.

Врожденные программы задают некоторое поле, на котором могут возникать самые разнообразные связи и отношения индивидов. По-видимому, эти программы могут быть противоречивыми и не всегда сбалансированными.

Существует интересная гипотеза, выдвинутая генетиком В.П. Эфроимсоном, согласно которой врожденная предрасположенность человека к общению имеет альтруистическую окраску⁶. Эта предрасположенность формировалась в процессе становления человека таким образом, что наиболее агрессивные особи, склонные к разрушению коммуникаций, необходимых для совместных действий в возникающих человеческих общностях, вычеркивались естественным отбором, хотя и довольно жестоким способом – вместе со своей популяцией (первобытным стадом), которую они взрывали изнутри агрессивным поведением и тем самым ослабляли в борьбе за выживание.

Вместе с тем у человека есть и альтернативные генетические программы, таящие в себе опасность разрушения альтруистических отношений в человеческих сообществах. Как отмечал А. Кестлер, к сожалению, у человека нет генетического запрета на убийство себе подобных⁷ (программа такого запрета есть у большинства животных).

Если бы подобная программа была выработана в процессе эволюции человека, многие способы поведения людей в различных социальных группах и многие социальные роли были бы невозможны (жертвоприношения в первобытных сообществах, массовые уничтожения пленных в кровопролитных войнах, геноцид, профессиональные функции палача и т. д.).

Вообще мы еще недостаточно знаем об этом влиянии врожденных биологических программ на формирование связей людей в социальных группах. Этологи (ученые, изучающие поведение животных) обнаружили многие аналогии между поведенческими функциями особей в их стадных сообществах и некоторыми социальными ролями людей. Так, в популяциях крыс наблюдается определенное разграничение функций: вожак стаи не обязательно наиболее хитрый и сообразительный, но, как правило, самый сильный и агрессивный, часто имеет рядом с собой «серого кардинала» – умного по крысиным меркам и хитрого самца, который, уступая в силе вожаку, исподволь направляет его действия. Интересно, что после гибели вождя «серый кардинал» не стремится стать вожаком, а подыскивает на это место другого сильного самца из стаи, оставаясь при нем в своей роли.

Имеются факты, свидетельствующие о ряде сходных черт поведения молодых самцов обезьяньего стада и подростков в различных социальных общностях. Встраивание в мир взрослых отношений даже в животных со-

⁵ В турнирных схватках самцов – волков, кабанов, оленей и др. – побежденное животное подставляет самое жизненно уязвимое место победителю и сразу же срабатывает генетическая программа: победитель схватки останавливается и никогда не наносит смертельного удара.

обществах означает крутой перелом в жизни особи. Она сталкивается с сопротивлением взрослых самцов, которые отстаивают свое место в стадной иерархии, с трудностями освоения тех или иных ролевых функций в стаде. Отсюда возникают две генетические программы: а) отселение с образованием особых «молодежных» общностей; б) стремление к нестандартным поступкам, с тем, чтобы обратить на себя внимание, выделиться и тем самым получить определенное преимущество перед другими молодыми конкурентами за то или иное место в стадной иерархии⁸.

Этолог В. Дольник полагает, что эти две врожденные программы проявляют себя везде, где бы ни родились человеческие дети, – и в первобытном, и в современном цивилизованном обществе (он объясняет ими стремление подростков к формированию особых сообществ и компаний со своими правилами общения, их бессознательно вызывающее поведение, экстравагантность молодежной моды и т. д.)⁹.

Наличие биологических предпосылок социального поведения вовсе не означает, что социальные связи людей однозначно выводятся из этих предпосылок. Они надстраиваются над биологическим базисом, во многом трансформируют его.

Отсутствие биологических запретов на убийство себе подобных не означает, что общество обречено на бессмысленное уничтожение людей. Выработка человечеством в ходе исторической эволюции норм нравственности и правовых регулятивов в определенной мере компенсирует отсутствие биологической программы запрета убийства. Социальные нормы, регулирующие действия и поступки людей в различных социальных группах, как правило, ограничивают проявление зоологического индивидуализма и своеволия. Без таких ограничений невозможно совместное бытие людей, их общение и отношения как социальных индивидов. В этом смысле формирование социальных норм, ролей, образцов поведения по мере эволюции общества сложно взаимодействует с биологическими предпосылками человеческого бытия, испытывая их влияние, но и трансформируя это влияние, ограничивая его.

Человек не только воспроизводит многочисленные и разнообразные социальные связи, но и меняет эти связи своими действиями и поступками в социальных группах.

Личность определяется богатством ее социальных связей и отношений. Но это не означает, что человек жестко детерминирован той исторически сложившейся системой отношений, в которую он постепенно включался в процессе своего формирования как личности. Он обладает свободой выбора, и эта свобода зависит не только от характера общества (тоталитарные режимы ее резко ограничивают, демократические – расширяют), но и от характера человеческой индивидуальности (сложного взаимодействия биологических предпосылок, накапливаемого общественного опыта и личного опыта, возникающего в результате включения индивида в различные отношения с другими людьми).

Неповторимая индивидуальность, автономность личности и невозможность ее существования вне исторически развивающейся системы социальных отношений являются одними из важнейших диалектически противоречивых характеристик человека.

Обусловленность формирования личности сложившимися социальными отношениями позволяет говорить о типах личности, характерных для того или иного типа общества.

Приобщение человека к системе исторически сложившихся социальных отношений – необходимое условие его деятельности. Выступая же как субъект деятельности, он способен не только воссоздавать, но и изменять свои общественные отношения.

Культура в жизнедеятельности человека

Общество как целостный организм воспроизводится и изменяется благодаря человеческой активности. Основными формами этой активности выступают деятельность, поведение и общение. Деятельность характеризуется направленностью на преобразование объектов. Она определяет особенности человеческого бытия, его отличие от животного существования. В процессе деятельности человек целенаправленно изменяет окружающий мир. Что же касается поведения, то оно характеризуется приспособлением к миру, адаптацией к уже сложившейся природной и социальной среде. Поведение свойственно и человеку, и животным. Деятельность же присуща только человеку. Вместе с тем ее возникновение в процессе становления человека и общества трансформировало поведение: человеческие поведенческие акты могут быть целесообразными и осознанными.

Особый тип поведенческих реакций возникает в процессе непосредственного взаимодействия человека с другими людьми. Взаимная адаптация в непосредственных социальных контактах осуществляется как общение – коммуникативная связь индивидов, в ходе которой устанавливается понимание, необходимое для совместного поведения и деятельности.

В триаде основных форм человеческой активности деятельность играет особую роль. Благодаря ей не только воспроизводятся главные структуры социальной жизни (предметный мир человека, социальные отношения и институты), но и происходит преобразование этих структур в новые. В первом аспекте мы имеем дело с репродуктивной деятельностью, во втором – с продуктивной, обеспечивающей изменение и развитие различных подсистем общественной жизни и общества в целом.

Деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Различая деятельность по объектам и результатам (продуктам), выделяют два ее типа – материальную (практика) и духовную деятельность, каждый из которых реализуется в системе своих видов и подвидов. Воспроизводство многообразия явлений и процессов общественной жизни предполагает воспроизводство соответствующего многообразия видов деятельности.

Но для того, чтобы некоторая деятельность воспроизводилась, необходим определенный способ взаимодействия ее компонентов: субъекта (с его ценностями, целями, знаниями и навыками), средств и преобразуемого объекта. Этот способ может быть рассмотрен как некоторая программа, реализующаяся в целесообразных действиях субъекта и определяющая внутреннюю организацию того или иного акта деятельности, равно как и соединения этих актов в непрерывный процесс производства определенных продуктов (фрагментов материальной среды, социальных общностей, знаний, навыков и умений людей и т. п.).

Сохранение и передача от поколения к поколению названных программ позволяют развертывать те необходимые обществу виды деятельности, которые обеспечивают воспроизводство различных подсистем и фрагментов человеческого жизненного мира.

Аналогичным образом можно рассматривать сложившиеся способы поведения и общения людей. В сложной мозаике актов поведения и общения можно выделить относительно устойчивые, повторяющиеся виды, которые необходимы для функционирования тех или иных социальных общностей и

* Различные виды деятельности связаны между собой. Продукты (результаты) одной деятельности могут стать предметами, средствами, методами и субъектами в других видах деятельности. Обмен результатами деятельности по существу феноменологически описывается в распространенной в современной социологии концепции социальных сетей.

связей. Воспроизводство этих видов предполагает усвоение людьми определенных способов поведения и общения. Такие способы могут быть интерпретированы в качестве поведенческих программ, усваиваемых людьми и во многом определяющих канву их поступков в различных ситуациях социальной жизни.

Программы деятельности, поведения и общения не даны от рождения, не являются биологическими по своей природе. Они носят социальный характер и как бы надстраиваются над биологическими программами. И если биологические программы (инстинкты самосохранения, питания, половой инстинкт и т. д.) передаются через наследственный генетический код, то надбиологические программы деятельности, поведения, общения передаются в обществе как культурные традиции. И здесь необходимо ввести особое понятие (особый теоретический конструкт) – «культура», без которого невозможно построение современной картины социальной реальности.

Культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях.

Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). Она также способна генерировать новые программы деятельности, поведения и общения людей, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества.

Условием хранения и трансляции накапливаемого социально-исторического опыта является его фиксация в особой знаковой форме. Он закрепляется и транслируется в культуре в форме семиотических систем. Культура предстает как сложноорганизованный и развивающийся набор таких систем.

Хранение и трансляция в культуре многообразия надбиологических программ человеческой жизнедеятельности предполагает многообразие знаковых структур, закрепляющих и передающих постоянно обновляемый социальный опыт. Одним из наиболее древних способов кодирования этого опыта является функционирование субъектов поведения, общения и деятельности в качестве семиотических систем, когда их действия и поступки становятся образцами для других. Мастер – учитель, который демонстрирует ученику те или иные приемы работы; индивиды и социальные группы, выступающие объектами подражания для других людей и групп; взрослый человек, поступки которого копирует ребенок, – все они обретают функцию знаковых систем, транслирующих программы поведения, общения и деятельности.

Знаковой системой, программирующей действия и поступки людей, может выступать символика человеческого тела: позы, жесты, мимика и т. п. Причем смыслы и значения, которые они выражают, могут быть различными в разных культурах. Например, рукопожатие у многих народов имеет символику дружеского расположения, но в традиционной Японии считалось, что касание собеседника означает агрессию и неуважение. В современной Японии рукопожатие используется редко, преимущественно в общении с иностранцами.

Важнейшим видом социокода, регулирующего человеческую жизнедеятельность, является естественный язык. Он не только позволяет описывать человеческий опыт, но и порождает новый опыт в процессах коммуникации. Структура языка задает определенный образ мира, способ фрагментации и синтеза его объектов. Одновременно язык выражает ценностно-эмо-

циональное отношение человека к миру, программируя переживание им тех или иных описываемых событий и реакцию на них.

Наряду с естественным языком как средством генерации и передачи социального опыта огромную роль в социальной жизни играют языки искусства (живописи, музыки, танца, архитектуры, кино и т. д.), язык науки, а также и язык символов, регулирующий поступки и действия людей. Все эти виды языковых средств могут быть рассмотрены как особые семиотические системы, обеспечивающие воспроизводство и развитие общества.

Предметы созданной человеком второй природы также могут функционировать в качестве знаков, которые закрепляют накопленный социальный опыт. В этом смысле иногда говорят об орудиях труда, технике, предметах быта как о материальной культуре, противопоставляя им феномены духовной культуры (произведения искусства, философские, этические, политические учения, научные знания, религиозные идеи и т. п.). Однако такое противопоставление относительно, поскольку любые феномены культуры являются семиотическими образованиями. Предметы материальной культуры выполняют в человеческой жизни двойную роль: с одной стороны, они служат практическим целям, а с другой – выступают средствами хранения и передачи смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение. Только во второй своей функции они выступают в качестве феноменов культуры (Ю. Лотман).

Развитие культуры предстает, с одной стороны, как выработка новых смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение людей, а с другой – как формирование новых кодовых систем, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения.

С точки зрения современной теории систем сложные исторически развивающиеся органические целостности должны внутри себя содержать особые информационные структуры, обеспечивающие управление системой, ее саморегуляцию. Эти структуры представлены кодами, в соответствии с которыми воспроизводится организация системы как целого и особенности ее основных реакций на внешнюю среду. В биологических организациях эту роль выполняют генетические коды (ДНК, РНК). В обществе как ценностном социальном организме аналогом генетических кодов выступают социокоды культуры.

Подобно тому как управляемый генетическим кодом обмен веществ производит клетки и органы сложных организмов, так и различные виды деятельности, поведения и общения, регулируемые кодами культуры, обеспечивают воспроизводство и развитие элементов, подсистем общества и их связей, характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации (присущей ему искусственно созданной предметной среды – второй природы, социальных общностей и институтов, свойственных данному обществу типов личностей и т. д.).

Таким образом, наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК, РНК), который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод. Посредством нее фиксируется развивающийся массив социального опыта, который передается от человека к человеку, от поколения к поколению.

Накопление нового опыта и увеличение его массива рано или поздно ставят проблему информационной вместимости субъекта, что требует новых способов фрагментации и интеграции накопленного опыта, который должен усваивать индивид. В свою очередь, эта потребность стимулирует разработку и применение новых типов кодирования.

Канадский исследователь М. Маклюэн, подчеркивая связь между развитием систем кодирования социального опыта и этапами цивилизационного прогресса, выделял в качестве таких этапов дописьменные общества, воз-

никновение письменности, книгопечатание, появление радио и телевидения. Продолжая этот ряд, следует выделить в качестве особого этапа компьютерную стадию развития цивилизации.

Появление новых способов кодирования закрепляет изменения характера коммуникаций и способов включения индивида в социальные связи и, следовательно, участвует в определении тех границ, в которых варьируются те или иные формы социального поведения и деятельности.

Программы деятельности, поведения и общения, представленные разнообразием культурных феноменов, имеют сложную иерархическую организацию. В них можно выделить три уровня. Первый – это реликтовые программы, осколки прошлых культур, которые живут и в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие. Люди часто бессознательно действуют в соответствии с программами поведения, которые сложились еще в первобытную эпоху и которые утратили свою ценность в качестве регулятива, обеспечивающего успех практических действий. Сюда относятся многие суеверия, например существовавшая даже в XX в. примета русских поморов о том, что половые связи перед выходом на рыбную ловлю могут сделать ее неудачной (пережиток табу первобытной эпохи, которые реально регулировали половые отношения общины на стадии групповой семьи, устраняя таким способом столкновения на почве ревности в общине, разрушавшие совместные производственные действия).

Второй уровень – это слой программ поведения, деятельности, общения, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества. И наконец, третий уровень культурных феноменов образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее. Их генерирует культура за счет внутреннего оперирования знаковыми системами.

Образцами программ будущей деятельности, которые выступают предпосылкой изменения существующих форм социальной жизни, могут служить вырабатываемые наукой теоретические знания, вызывающие перевороты в технике и технологии последующих эпох; идеалы будущего социального устройства, которые еще не стали господствующей идеологией; новые нравственные принципы, разрабатываемые в сфере философско-этических учений и часто опережающие свой век и т. д. Чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает этот уровень культурного творчества, адресованный к будущему. В современных обществах его динамика во многом обеспечивается деятельностью особого социального слоя людей – творческой интеллигенции, которая по своему социальному предназначению должна постоянно генерировать культурные инновации.

Многообразие культурных феноменов всех уровней, несмотря на их динамичность и относительную самостоятельность, организовано в целостную систему. Их системообразующим фактором выступают основания культуры. Они представлены мировоззренческими универсалиями (их именуют также концептами, идеями, категориями культуры).

Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта.

Категориальные структуры, обеспечивающие рубрификацию и систематизацию человеческого опыта, давно изучает философия. Но она исследует их в специфическом виде как предельные общие понятия. В реальной же жизни культуры они выступают не только как формы рационального мышления, но и как категориальные формы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и эмоциональное переживание.

Можно выделить два больших и связанных между собой блока универсалий культуры. К первым относятся категории, которые фиксируют наибо-

лее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях пространства, времени, движения, вещи, отношения, количества, качества, меры, содержания, причинности, случайности, необходимости и т. д.

Но кроме них в историческом развитии культуры формируются и функционируют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. Они образуют второй блок универсалий культуры, к которому относятся категории «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода» и т. п.

Эти категории фиксируют в наиболее общей форме исторически накапливаемый опыт включения индивида в систему социальных отношений и коммуникаций. Между указанными блоками универсалий культуры всегда имеется взаимная корреляция, которая выражает связи между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями человеческой жизнедеятельности. Поэтому универсалии культуры возникают, развиваются и функционируют как целостная система, где каждый элемент прямо или косвенно связан с другими.

В системе универсалий культуры выражены наиболее общие представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности, о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов и т. п. Они выступают в качестве своего рода глубинных программ, которые предопределяют связь, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации. Смыслы универсалий выступают как базисные ценности культуры.

Смысловое содержание мировоззренческих универсалий культуры сложно структурировано. В них можно выделить своеобразный инвариант, некоторое абстрактное всеобщее содержание, свойственное различным типам культур и образующее глубинные структуры человеческого сознания. Но этот слой содержания не существует в чистом виде сам по себе. Он всегда соединен со специфическими смыслами, присущими культуре исторически определенного типа общества, которые выражают особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, принятой в данной культуре шкалу ценностей.

Именно эти смыслы характеризуют национальные и этнические особенности каждой культуры, свойственные ей понимание пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти, отношения к природе, труду, личности и т. д.

В свою очередь, исторически особенное в универсалиях культуры всегда конкретизируется в огромном многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний.

По мере исторического развития общества может изменяться не только смысл универсалий культуры, но и их набор, организованный в целостную систему. Возникновение новых видов деятельности, поведения и общения может приводить к расщеплению первичных универсалий и формированию новых категорий, которые укореняются в культуре (например, разделение характерной для архаических обществ категории «любовь-дружба» на две самостоятельные, появление в российской культуре наряду с категорией «правда» категории «истина»). Конкретные виды культуры отличаются

своими основаниями и не всегда можно обнаружить изоморфизм между системами универсалий различных культур.

Универсалии культуры одновременно выполняют по меньшей мере три взаимосвязанные функции. Во-первых, они обеспечивают своеобразное структурирование и сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта. Этот опыт рубрифицируется соответственно смыслам универсалий культуры и стягивается в своеобразные кластеры. Благодаря такой «категориальной упаковке» он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому.

Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху.

В-третьих, взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и мире, вводит шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и потому определяет как мироосмысление и миропонимание, так и мироощущение.

Для человека, сформированного соответствующей культурой, смыслы ее мировоззренческих универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою жизнедеятельность и которые он часто не осознает в качестве ее глубинных оснований.

Культура не сводится только к состояниям общественного и индивидуального сознания, связанным с актами самосознания, но включает в свой состав также социально бессознательное, которое принадлежит не к биологическому, а к социальному наследию. Неосознанными могут быть не только отдельные конкретные программы поведения и общения, но и базисные смыслы и ценности, выраженные системой мировоззренческих универсалий. Различное понимание добра и зла, справедливости и свободы и т. п. может приводить к различным и даже полярным неосознанным реакциям на одни и те же события у представителей разных культур.

К. Юнг характеризовал бессознательные компоненты фундаментальных ценностей культуры как архетипы (бессознательные коллективные переживания), которые могут длительное время существовать как надличностные психические образования, управляющие индивидуальной психикой.

Смыслы универсалий культуры, образующих в своих связях категориальную модель мира, обнаруживаются во всех областях культуры того или иного исторического типа – в быденном языке, феноменах нравственного сознания, в философии, религии, художественном освоении мира, функционировании техники, в политической культуре и т. п.

Универсалии не локализованы в какой-то одной области культуры, а пронизывают все ее сферы. Поэтому преобразование категориальных смыслов, начавшееся под влиянием новых социальных потребностей в одной или нескольких областях культурного творчества, рано или поздно с неизбежностью отрезонирует в других.

Резонанс различных сфер культуры в период формирования новых идей, имеющих мировоззренческий смысл, отмечали философы, культурологи, историки при анализе в синхронном срезе различных этапов развития науки, искусства, политического и нравственного сознания и т. д. (А. Шпенглер, Э. Кассирер, А. Тойнби, А. Лосев, М. Бахтин). Можно, например, установить своеобразный резонанс между идеями теории относительности в науке и идеями лингвистического авангарда 1970–1980-х гг. (И. Винтелер) и др., формированием новой художественной концепции мира в импрессионизме и постимпрессионизме, новыми для литературы последней трети XIX в. способами описания и осмысления человеческих ситуаций (например, отмеченные М. Бахтиным особенности «полифонических

романов» Ф.М. Достоевского, в которых сознание автора, его духовный мир и его мировоззренческая концепция не стоят над духовными мирами его героев, как бы со стороны, из абсолютной системы координат описывая их, а сосуществуют с этими мирами и вступают с ними в равноправный диалог).

Преобразование общества и типа цивилизационного развития всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в культуре.

В качестве социального индивида человек является творением культуры. Он становится личностью только благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта. Такое усвоение осуществляется в процессе социализации, обучения и воспитания. В этом процессе происходит сложная состыковка биологических программ, характеризующих его индивидуальную наследственность, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода «социальную наследственность». Включаясь в деятельность в результате усвоения этих программ, человек способен изобретать новые образцы, нормы, идеи, верования и т. п., которые могут соответствовать социальным потребностям. В этом случае они включаются в культуру и начинают программировать деятельность других людей. Индивидуальный опыт превращается в социальный, и в культуре появляются новые состояния и феномены, закрепляющие этот опыт. Любые изменения в культуре возникают только благодаря творческой активности личности. Человек, будучи творением культуры, вместе с тем является и ее творцом.

Итак, современная картина социальной реальности вводит представления о взаимодействии трех основных подсистем социальной жизни в их наиболее общих и существенных характеристиках. В ней целостный организм общества рассматривается как исторический процесс, включающий в качестве аспектов воспроизводство и изменение социальных подсистем и общества в целом. В процессуальности социальной жизни особую роль играют мутации культуры, преобразования хранимых и транслируемых в ней надбиологических программ человеческой жизнедеятельности.

Это обстоятельство не должно толковаться как какое-то отступление от объективности описания и объяснения социальных процессов. Программирующая роль культуры выступает столь же объективным свойством социума, как и программирующие свойства генома выступают объективным свойством биологического организма. И так же как теория эволюции, развитая Ч. Дарвином, была скорректирована после открытия генов – носителей наследственности, так и картина социальной реальности, предложенная К. Марксом, при сохранении целого ряда открытых им особенностей социальной структуры и динамики нуждается в изменении с учетом современных представлений о роли культуры в социальной жизни.

Разумеется, нет смысла упрекать Маркса в том, что он не учел открытий, появившихся в более позднюю историческую эпоху. Эти открытия повлияли на последующие парадигмы социальной науки. И нетрудно установить, что в представлениях о структуре и динамике социальной реальности, развитых Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом, Н. Луманом, Э. Гидденсом, Дж. Мидом и другими исследователями, учитывается программирующая функция различных социокодов, образующих «тело» культуры.

Современная картина социальной реальности в новом свете представляет историческую динамику социальной жизни. Чтобы изменился тип общества и возник новый социальный вид, должно произойти изменение культурного кода, мутация мировоззренческих универсалий, а затем уже техни-

ко-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами определяют дальнейшую судьбу нового типа социальной организации.

Картина социальной реальности, обобщающая достижения современной науки, наверняка будет изменяться под влиянием последующих конкретных результатов теоретических и эмпирических исследований общества. Будучи матрицей синтеза конкретных знаний различных социальных наук, она развивается в качестве компонента в сложной системе социально-научного знания.

¹ В дальнейшем я опираюсь на идею Г.Н. Поварова об изменении системной сложности техники в процессе исторического развития цивилизации (см.: Поваров Г.Н. Сложность систем как показатель научно-технического прогресса // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965. С. 8–9).

² Там же.

³ Там же. С. 7.

⁴ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 47.

⁵ См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988. С. 8.

⁶ См.: Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10.

⁷ См.: Кестлер А. Человек – ошибка эволюции? // Диалоги. М., 1979. С. 142–147.

⁸ См.: Дольник В. Рок рока // Знание – сила. 1988. № 4. С. 66–72.

⁹ Там же.

Поступила в редакцию 03.09.09.